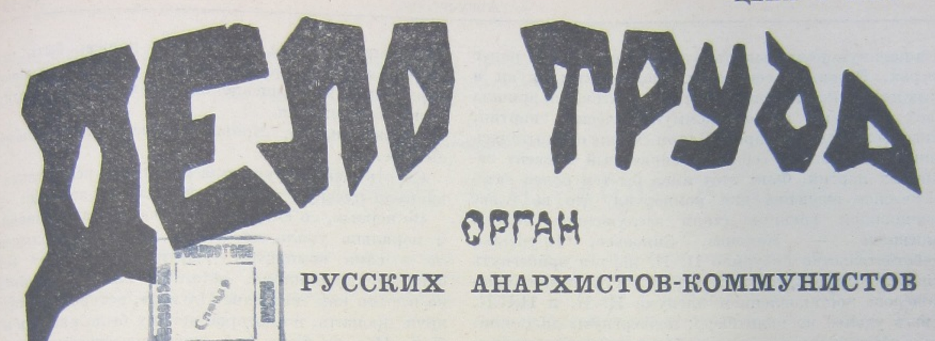
ЦЕНА 5 СЕНТ

№ 15

« DIELO TROUDA » Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
M. Ferandel, 14, rue du Repos, Paris (20e)

АВГУСТ 1926

РАЗЛОЖЕНИЕ ДИКТАТУРЫ ВКП.

«...Бюрократизм связывает руки, душит инициативу, концентрирует внимание не на главном, а на мелочах»... «Контроль снизу нам необходим буквально, как воздух, иначе мы задохнемся в недрах бюрократического аппарата»... — Такими словами С. И. Гусев на 3-м Всесоюзном Совещании Рабселькоров характеризовал государственный аппарат большевиков и его давление на партийную коммунистическую среду (*Правда*, N 128, 5 июня 1926 г.).

Признание крайне ценное и более чем своевременное. До последнего времени коммунисты, наперекор вопиющей действительности, твердили об одном — о том, что они создали первое в мире свободное рабоче-крестьянское государство. Всякое сомнение в «свободности» и «рабочести» их государства навлекало репрессии на сомневающихся. Теперь мы имеем признание ответственных коммунистов о том, что порою и они задыхаются под мертвой хваткой созданного ими чудовищного полипа, — органа партийной диктатуры в революционной стране.

Это же признание косвенным образом должно пролить свет на положение в большевистском государстве широких масс труда: уж если «в недрах бюрократического аппарата» задыхаются сами большевики, смотрящие на народные массы только как на материал для своих партийно-централистских экспериментов, то можно себе представить политическое и социальное положение этих масс, являющихся прямым об'ектом нападения большевистского государства.

Чтобы разрядить мертвящую атмосферу государственно-бюрократического аппарата, Гусев рекомендует «контроль снизу», разумея под этим контролем широкую сеть рабочих и сельских кореспондентов. При этом он усиленно предупреждает против «величайшей опасности оказенивания рабселькоровского движения» и превращения его в представителей местной власти, в агентуру рабоче-крестьянской инспекции.

Гусев, конечно, не анархист, а самый настоящий марксист-ленинец, идеолог «железного кулака» в отношении масс, но характерным в его выступлении является то, что в критический момент существования партии, тонущей в недрах властвования и бюрократизма, он хватается за идеологию анархизма и «каплей самодеятельности» масс хотел бы предотвратить дальнейшее окаменение и омертвение госаппарата большевиков. Правда, самодеятельность масс у Гусева дутая, декоративная; подобранный состав рабселькоров может заниматься освещением и критикой лишь тех недостатков госаппарата, которые раз'едаютъ самый аппарат и от которых любое государство — и большевистское и буржуазное — почло бы за благо освободиться. Важно в данном случае не это, а то, что Гусев подчеркивает *перенасыщенность* практической политики большевиков полицейщиной и бюрократизмом и пытается внегосударственным методом укрепить государственный аппарат большевиков. В этом сказывается наивность Гусева и паника, которая с каждым новым годом все больше охватывает различные большевистские круги, мечущиеся и ищущие выхода из созданного ими тупика.

Только что пришедшие из Москвы большевистские газеты *Правда* и *Известия* сообщают о новой вспышке борьбы Ц. К. партии с «оппозицией» и как нельзя лучше рисуют развал и панику, происходящие в компартии.

Разбитая, было, на 14 с'езде ВКП в декабре прошлого года оппозиция в лице Зиновьева, Каменева, Крупской и др. совсем не сочла себя побежденной и по окончании с'езда начала, легально и нелегально, развивать свою

оппозиционную деятельность в еще больших чем ранее размерах. Раскинув сеть своих подпольных групп в разных местах России, оппозиция эта фактически пришла к идее создания второй коммунистической партии, противопоставленной старой. В этом смысле она пыталась группировать вокруг себя оппозиционный элемент заграничных партий. Факт этот имел бы тем более катастрофическое значение для компартии, что во главе оппозиционной фракции стали заслуженные лидеры большевизма, — Каменев, Зиновьев, Крупская. Это обстоятельство побудило Ц. К. партии прибегнуть к решительным репресивным мерам в отношении оппозиционеров: постановлением пленума Ц. К. и Ц.К.К. Зиновьев удален из политбюро; подвергнуты дисциплинарным взысканиям ряд других более или менее видных оппозиционеров.

То обстоятельство, что на почве идейно-политических расхождений коммунисты разбиваются на остро враждующие фракции и аргументируют между собою репрессиями, указывает на наличие серьезного недуга, охватившего компартию.

Своевременно нам приходилось отмечать (Анархический вестник N 7), что смерть Ленина неминуемо явится той гранью, за которой начнется нисходящее движение и расползание Российской Коммунистической Партии.

Если можно говорить о политических ошибках Ленина, то самой крупной его ошибкой была та, что и жизнь партии и социальную жизнь народа он подчинил принципу безоговорочной диктатуры. Жизнь продолжительное время не может держаться на диктатуре. Тысячами проявлений она стремится выявить свою цельность и независимость и вынуждена либо убить диктатуру во имя свободных федералистических форм, либо заглохнуть.

Организация диктатуры, каковой является Росс. Ком-Партия, могла держаться определенный срок, в определенных — дореволюционных — условиях и в определенных партийных размерах. Она, кроме того, требовала наличия вождя, политические и стратегические дарования которого превосходили бы мертвящие стороны диктатуры. Ленин явился таковым в рядах большевизма.

Однако, ошибкой и преступлением с его стороны было то, что диктатуру внутри партии, где группировка и подчинение партийному центру происходили на основе добровольного вхождения, он перенес на сложную социальную жизнь народа, где жили различные революционные идеологии, где революционные воли скрещивались и где подчинение партийному центру идеолгически различных групп трудящихся могло достигаться жестокими репрессиями власти. Вместо *федерализма революционных идей*, открывающего путь волеиз'явлению и могучему сотрудничеству всех социально-революционных сил трудящихся, он встал на путь *убиения* всех небольшевистских идеологий и тем самым поставил себя и руководимую им партию в положение постоянной борьбы, постоянного удушения многообразных социально-революционных проявлений трудовых классов.

Но подобное положение не могло и не может длиться без конца. Тот или иной выход должен быть найден. Либо развитие революции, либо полное ее убиение и формальное возвращение страны в лоно низвергнутого, было, капитализма.

Такова дилема, стоявшая перед большевиками при Ленине.

Смерть Ленина ускорила события и решительно пододвинула русскую действительность к развязке.

Во первых, со смертью этого человека принципиально и морально упала не только диктатура большевиков, но и сама компартия. Партийный аппарат остался, осталась дисциплина, остались власть и диктатура, но все это как «наследие Ильича», которое можно было лишь прожить, но которое некому было развить и углубить. Ибо не было для этого качественных сил. Ибо большевистская партия — партия крайнего централизма и железной дисциплины — является в собственном смысле слова Ленинской партией. Ввиду своей абсолютно централистской конструкциии она не в состоянии была подготовить заместителя на руководящий пост. Со смертью Ленина она перестает быть таковой и лишь механически, до поры до времени сможет по ленински лавировать и пробивать себе путь. Ее распад и перерождение неизбежны.

Во вторых, в лице Ленина компартия потеряла искуснейшего руководителя и стратега, наиболее тонко разбиравшегося в сложной политической и социальной обстановке дня. Если при Ленине партия допускала тяжелые принципиальные и тактические ошибки, то после его смерти она вошла в полосу многочисленных противоречий, раздирающих на части самую партию.

Развитие нэпа или его остановка? Если развитие, то до каких пределов? Интернационализм или национализм? Ставка на рабочего или на крестьянина? Диктатура ЦК. партии или внутрипартийная демократия? — В этих и множестве других вопросов крутятся теперь наследники Ленина, год от году все больше и больше запутываясь в своей собственной шерсти, мечутся и разбиваются на фракции.

Руководящая верхушка компартии — Ц. К. — прилагает все усилия к тому, чтобы сохранить прежнее, ленинское единство в партии. Однако идея единства уже потеряла свою былую силу, ибо каждому большвику (и не большевику) становится ясным, что под флагом единства всякий лидер проводит собственную политику, что компартия, как ленинская партия, перешла свою грань, что диктатура в партийном смысле изживается и что история делает новый шаг.

Происходящая сейчас борьба между Центральным Комитетом и оппозицией и является началом распада органа партийной диктатуры, изжившей себя. Нет сомнения, отдельные клочья этой диктатуры, в виде ли группы Сталина или в виде группы Зиновьева и Каменева, смогут еще в течении ряда лет властвовать и угнетать трудящихся России, но своего былого царства они уже не восстановят. Их путь предопределен всей предыдущей практикой диктатуры и нэпа. Неизбежным концом этой практики будет полное восстановление капитализма

на основе принципа «священной» частной собственности. На этом пути большевизм органически сольется с капиталистической буржуазией, как некогда французский революционный радикализм, руководивший великой революцией, слился с этой же буржуазией.

П. АРШИНОВ.

БЕЛОГВАРДЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И НЭП.

В русской белогвардейской эмиграции можно в настоящее время отметить два главных политических течения: монархическое и республиканско-демократическое.

Монархисты стремятся откровенно к реставрации в России старого строя. На состоявшемся не так давно зарубежном с'езде ими был открыто провозглашен кандидат в цари — Николай Николаевич, которым они и собираются осчастливить Россию. В земельном вопросе монархисты склоняются к отобранию земель от крестьян в пользу помещиков, уверяя, что «их» крестьяне только и ждут своих бывших господ. Фабрики и заводы также должны быть переданы бывшим владельцам.

Совершенно ясно, что такая явная реставрационная и реакционная политика монархистов совершенно исключает возможность их какого либо влияния в России.

Но не так дело обстоит с т. наз. республиканскими демократами. Их партия своеобразно «восприяла» революцию. Это восприятие заключается в том, что они никого не собираются экспроприировать в пользу бывшей довоенной буржуазии и помещиков. Наоборот, они всячески подчеркивают невозможность возврата к старому и стремятся опереться на два выросших за время революции новых класса: новую нэпмановскую буржуазию в городе и кулаков деревне. Отсюда очевидна громадная разница между монархистами и демократами в эмиграции. Первые опираются на класс помещиков, которого в России совершенно не существует больше, вторые стремятся войти в контакт с народившимися новыми социальными группировками эксплуататоров в Росссии.

Недавно «*Правда*» посвятила передовицу республиканско-демократическим группировкам заграницей. Она признает, что нэпманы и кулаки чрезвычайно симпатизируют этому течению. Газета очень обеспокоена и бьет тревогу по поводу «сборов в дорогу» демократов. Она кончает призывом к единению против новой опасности.

Признания «*Правды*» чрезвычайно ценны. Они указывают, как далеко ушла Россия в своем капиталистическом развитии. Когда в 1921 году большевики ввели нэп и тем окончательно убили революцию, они потеряли опору тех классов, которым они изменили: пролетариата и беднейшего крестьянства. Но за то тогда они получили опору в новой буржуазии и кулаках, об интересах которых они и стали с тех пор заботиться. И тогда в 1921 и 22 годах нэпманы и кулаки были действительно преданные союзники большевиков. Тогда это была «их» советсткая власть, которую они поддерживали. О контакте с эмиграцией, в которой тогда сплошь преобладали реставрационные тенденции, не могло быть у новых собственников и речи. Ведь они главным образом пользовались собственностью старых буржуев. И это их еще более тесно связывало с большевиками и принуждало защищать советскую власть.

Теперь времена изменились. За пять лет нэпа, новая буржуазия так укрепилась, что ей не страшна никакая попытка революции. С другой стороны сама демократическая эмиграция отказывается от попытки изменить положение, и, наоборот, клянется защищать «новый порядок». Теперь советская власть буржую и не нужна, ибо республиканско-демократический строй все же лучше гарантирует им «священные права» собственности, чем большевики, иногда капризничавшие и доставлявшие большие хлопоты своими «революционными» декретами. А *гарантия сосбственности* — это то, что нужно сейчас российской буржуазии. И вот проводятся невидимые нити контакта буржуазии с эмиграцией, для общего наступления на советскую власть, которые и заметила «*Правда*».

«*Правда*» бьет тревогу, «*Правда*» зовет на борьбу с врагом. Но революционные рабочие вправе ей теперь задать вопрос: кто же, однако, задушил попытку рабочих и крестьян свободно организовать революцию, и кто создал новые классы эксплоататоров, как свою правительственную базу? Кто, если не сама советская власть?

Теперь созданные большевиками классы эксплоататоров бросают их, поворачиваются к ним спиной. Большевики теряют последнюю опору под ногами. А вставшие крепко на ноги буржуи хотят звать из чужих стран «своих» правителей. Что же? «Марв сделал свое дело, Мавр может уйти».

Я. Л.

К СМЕРТИ ДЗЕРЖИНСКОГО

В Москве скончался Дзержинский, с именем которого связана эпопея красного террора в СССР. Что бы ни представлял собою Дзержинский как индивид — будь то преданный и фанатичный революционер или только исправный и энергичный исполнитель партийных директивов, будь он идеалом революционной преданности или только государственным палачем, — его личность сама по себе нас не интересует.

Всякая эпоха и всякая система порождает более или менее удачных исполнителей. Таковым по существу является и Дзержинский. У свежей могилы хотелось бы на минуту отбростить ту суб'ективную ненависть, которая таится в душе каждого русского анархиста к его личности, как к символу Чека и ГПУ, и взглянуть об'ективно на события.

Не будь Дзержинского, Володарского и многих помельче их — система террора ничуть бы не изменилась. Весьма понятно, что суть дела кроется во всем государственническом методе революции.

Вся буржуазная пресса вооружена против Дзержинского за террор против буржуазии. Мы же скажем, что эта сторона его деятельности взята из практики самой же буржуазии. Мы считаем, что защита социальной революции от имущих и привиллегированных классов должна быть коллективной и неразрывно связана со всем процессом революционного наступления, — а следовательно, не может быть выполнена под личную ответственность одного лица. Экономические и революционные организации, берущие на себя общереволюционные функции, должны организовать и защиту. Ибо помимо того, что сосредоточение в одних руках террористических полномочий может таить в себе опасность поворота меча налево, против революции, государственный чиновник по существу не может выполнить этой задачи. Это именно и случилось в России.

Как бы то ни было, поскольку Дзержинский носил тяжелую обязанность борьбы с буржуазией и дворянством — он мог бы быть слугою революции.

Но Дзержинский очень скоро повернул меч против революционеров и был фактическим творцом того политического режима, который душил и душит всякую революционную попытку. Сотни-тысячи русских революционеров задыхаются в воссозданных им тюремных застенках и ссылках. Организована буквально фантастическая по своим размерам система сыска. Нет пощады никакому инакомыслию, даже в пределах компартии. И чем больше делается уступок отечественной и иностранной буржуазии, тем отчаяннее становится борьба с подлинно революционным элементом.

Все идет закономерно. Ибо с того момента, как небольшая олигархическая группа взяла на себя исключительное право переустройства общественной жизни, отстранив от дела широкие трудовые массы — результат можно было предвидеть. Дальше пойдет все по тому же пути. Смерть Дзержинского не внесет ничего освежающего в политический режим Советской России. Для этого нужна новая революционная волна.

П. МЕТТ.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПЛАТФОРМА ВСЕОБЩЕГО СОЮЗА АНАРХИСТОВ

(Продолжение) (Проэкт)

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Под переходным периодом у социально-политических партий разумеется определенная фаза жизни народа, характеризующаяся разрывом со старым строем и установлением новой экономической и политической системы, которая, однако, еще не содержит в себе полного освобождения трудящихся.

В этом смысле все программы-минимум социально-политических партий, например, демократическая программа оппортунистических социалистов или программа коммунистов «диктатуры пролетариата» — являются программами переходного периода.

Существенной стороной этих программ-минимум является то, что они, считая невозможным в данный момент полное осуществление идеалов трудящихся, — их независимость, свободу и равенство — удерживают целый ряд институтов капиталистической системы: принцип государственного принуждения, частную собственность на средства и орудия производства, наемничество и многое другое, — в зависимости от того, каким целям приспособлена та или иная программа политических партий.

Анархисты всегда были принципиальными противниками подобных программ, находя, что само построение переходных систем, принцип эксплуатации и принуждения масс, удерживаемые этими системами, неизбежно поведут к новому росту рабства.

Вместо политических программ-минимум анархисты всегда отстаивали лишь социальную революцию, лишающую капиталистический класс политических и экономических привилегий и передающую средства и орудия производства и все функции общественно-хозяйственной жизни в руки трудящихся.

И по сию пору анархисты стоят на этой позиции.

Идея переходного периода, по которой в результате

ОТЗВУКИ 50-ТИЛЕТИЯ СМЕРТИ БАКУНИНА

ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ БАКУНИНА В МОСКВЕ

Собрание, устроенное в Москве 1го июля по инициативе Анархического Комитета по увековечению памяти Бакунина, было, повидимому, редким событием среди общественного затишья. Мы надеемся получить подрбоный отчет о нем; пока же мы хотим поделиться с товарищами теми, хотя и отрывочными, сведениями которые у нас есть.

Обширный зал Политехнического Музея был полон. Ораторами выступали прежде всего М. П. Сажин, старый товарищ Бакунина времен первого интеранационала, затем С. Г. Кропоткина, В. Н. Фигнер, А. Боровой, И. Хархардин, А. Солонович, Н. Отверженный. Полученные здесь об'явления о собрании сообщают нам и о некоторых из тем, на которые говорили ораторы: Боровой: — Всемирно-историческое значение Бакунина; Хархардин: — Пролетариат и крестьянство в мировоззрении Бакунина; Солонович: Бакунин в истории анархизма; Отверженный: Критики Бакунина.

Свободное собрание, устроенное анархистами, не могло, конечно, пройти спокойно. Судя по большевистским газетам,*) все было сделано, чтобы сорвать собрание. «Патетическая речь Борового, соблюдая все требования эзоповского стиля, пишет газета, и политические выпады Хархардина вызывали отдельные протесты публики». «К середине вечера публика (?) стала терять запасы терпения — и старой Кропоткиной не пришлось окончить свою речь». Большевики требовали на том же вечере дискуссии и права отвечать на противомарксистские выступления», но анархисты на это, понятно, не согласились.

*) *«Вечерняя Москва», отчет которой был изложен в «Днях» (20 июля).*

А вот сообщение уже из иного источника. Один из присутствовавших на митинге пишет одному нашему товарищу в частном письме: «Был я на вечере Бакунина... Выступила София Григорьевна Кропоткина и с ее выступлением произошел скандал: она осмелилась (!) сказать, что у нас нет ни свободы печати, ни свободы слова. Поднялся гром аплодисментов и буря свистков. «Имейте уважение к революции»... «Мы делали, а вы не делали революцию»... «Это контр-революция»... и т. д. Вера Николаевна (Фигнер) дала маленький очерк настроений 70-х годов, т. е. бакунизма и лавризма. Сажин только что вышел из клиники и с трудом произнес первое приветствие. Ну, говорили с историческими перспективами и другие. Зала была переполнена, против всякого ожидания. От администрации вечера было потребовано 45 даровых билетов для коммунистов».

Кроме речей, на митинге был прочитан ряд писем и приветствий от товарищей из-за границы — Грава, Малатесты и других.

Да, все таки, в Москве раздалось свободное слово!

социальной революции должно образоваться не анархическое общество, а некий «икс», несущий в себе элементы и пережитки старой капиталистической системы, противоанархична по своему существу. Она таит в себе угрозу укрепления и развития этих элементов до их первоначальных размеров и повернет события вспять.

Ярким примером этого служит установленный большевиками в России режим «диктатуры пролетариата», который по убеждению большевиков должен был явиться всего-навсего переходной ступенью к полному коммунизму, но который в действительности привел к восстановлению классового общества, на дне которого оказались по прежнему рабочие и беднейшие крестьяне.

Центр тяжести в деле построения анархич. общества заключается не в том, чтобы каждому индивиду на первый же день революции предоставить неограниченную свободу удовлетворения своих потребностей, а в том, чтобы завоевать социальную базу для этого общества и установить принципы отношений между людьми. Вопрос большего или меньшего материального достатка есть вопрос не принципа, а технический.

Основной принцип, на котором будет построено новое общество, который составит содержание этого общества и который ни в какой мере нельзя урезывать, состоит *в равенстве отношений, в свободе и независимости трудящихся.* А этот принцип и является тем основным начальным требованием масс, во имя которого они только и подымутся на соц. революцию.

Одно из двух: — или соц. революция закончится поражением трудящихся, — в этом случае надо будет снова готовиться к борьбе, к новому наступлению на капиталистическую систему; или она приведет к победе трудящихся, — тогда последние, овладев позициями самоуправления — землей, производством, общественными функциями — приступят к построению свободного общества.

Это и будет *началом построения* анархического общества, которое, раз начавшись, пойдет затем беспрерывно дальше, укрепляясь и совершенствуясь.

Овладение трудящимися производственными и общественными функциями проложит, таким образом, резкую грань между эпохой государственности и эпохой безгосударственности.

Анархизм, чтобы стать знаменем борющихся масс и социально-революционной эпохи, должен не прятать свои основные принципы, — не приспособлять свою

ВО ФРАНЦИИ

В Париже состоялся массовой митинг, созванный М. Т. Р. по случаю 50-летия со дня смерти великого анархиста-революционера. Товарищи Бенар, Буду, Фор и др. говорили о значении Бакунина для мирового и, главным образом, западно-европейского революционного движения и для развития западно-европейской безвластнической мысли.

Германия. Freie Arbeiter Union Deutschlands издала особый номер «Syndikalist», посвященный целиком памяти Бакунина. Кроме этого выпущена работа о Бакунине известного его биографа тов. М. Нетлау, в которой помещены матерьялы, частью еще до сих пор не опубликованные.

Публичные собрания и бакунинские торжества состоялись в Берлине, Дрездене, Дюссельдорфе, Касселе и в других больших германских городах. Многие коммунистические , социал-демократические и даже буржуазные газеты и журналы опубликовали длинные статьи о Бакунине, говоря о нем, как о верном, неутомимом борце за социальную революцию. Это в особенности характерно для Германии, которая является родиной марксизма. Не есть ли это признак уклона фаталистического и реформистского марксизма в сторону волевого, действенного революционного бакунизма?

Голландия. Анархисты и синдикалистическая местная организация создали совместный бакунинский комитет. Комитет выпустил портреты великого революционера а также организовал митинг, посвященный его памяти. Также и в Голландии пресса много писала о Бакунине и его значении.

Швейцария. Издаваемый нашими товарищами в Женеве орган «Le Reveil» посвятил один номер целиком Бакунину. Кроме этого, рабочие Берна, города, в котором погребен Бакунин, устроили манифестацию, на которой выступили с речами т. т. Луиджи Бертони, редактор «Le Reveil» — по французски и Маркс по немецки.

В *Швеции* и в *Норвегии* анархические и синдикалистические издания посвятили памяти Бакунина частью особые номера, частью статьи.

ИЗ ПЕЧАТИ О БАКУНИНЕ

Товарищ Солонович посвятил Бакунину длиннейшую статью, которая печаталась в 5 или 6 номерах «Рассвета». В ней он старается доказать, что Бакунин был по существу религиозным человеком, поскольку он стремился к бесконечному самосовершенствованию человеческой личности.

Конечно, можно до бесконечности широко растягивать самое понятие религии. Для одного божеством был деревянный идол, для другого религией является искусство, третий исповедует идеал уничтожения неравенства в человеческом обществе. Дело не в этом. Вопрос в том, для чего понадобилось смешать в кучу разные понятия.

Бакунин был неутомимым борцом за освобождение трудящихся от ига государства и капитала. Всю свою жизнь он посвятил этой борьбе и в этом отношении его жизнь можно назвать подвижнической, но к религии его можно притащить лишь насильственно за волосы.

программу к пережиткам старого, к опортунистическим тенденциям переходных систем и периодов, а наоборот, — максимально их развить и возвысить.

АНАРХИЗМ И СИНДИКАЛИЗМ

Мы считаем противопоставление анархического коммунизма синдикализму и обратно совершенно искусственным, лишенным всякого основания и смысла.

Понятия коммунизма и синдикализма лежат в двух различных плоскостях. В то время, как коммунизм, т. е. свободное общество равных тружеников, является целью анархической борьбы, — синдикализм, т. е. революционно-профессиональное рабочее движение, является лишь одной из форм революционной классовой борьбы.

Об'единяя рабочих на производственной почве, рев. синдикализм, как и всякое профессиональное движение, не имеет в то-же время своей определенной идеологии, не является мировоззрением, отвечающим на все сложные социально-политические вопросы современной действительности. На нем постоянно отражаются идеологии отдельных политических группировок, в зависимости от того, какая из этих последних ведет наиболее интенсивную работу в его рядах.

Из сказанного вытекает наше отношение кревол. синдикализму. Не предрешая здесь вопроса о роли рев. синдикатов на второй день революции, т. е. явятся ли они организаторами всего нового производства или уступят эту роль рабочим советам или фабрично-заводским комитетам, мы находим, что в революционный синдикализм, как в одну из форм рабочего революционного движения, анархисты должны войти.

Однако сейчас вопрос заключается не столько в том, входить ли анархистам в революционный синдикализм или не входить, сколько в том, как и с какой целью следует в него войти.

Мы считаем весь предыдущий период, вплоть до наших дней, — когда анархисты входили в движение рев. синдикализма в качестве индивидуальных работников и индивидуальных проповедников, периодом кустарного отношения к рабочему профдвижению.

Анархо-синдикализм, стремящийся упрочить анархическую идеологию в левом крыле рев. синдикализма путем создания синдикатов анархического типа, является шагом вперед в этом отношении, но все же всего кустарничества он не преодолевает. Дело анархизирования синдикалистского движения анархо-синдикализм не ста-

Он, современник крепостного права в России и уже народившегося капитализма на Западе, посвятил весь свой гений борьбе против капитала и государства и их подсобника бога, которого имущественные классы всегда призывают на помощь в деле оправдания экономического и политического рабства. Зачем же затемнять перед рабочими массами истинное положение вещей и рассматривать деятельность Бакунина с какой-то мистической стороны?

Для классовой борьбы не мистика нужна, а ясный и точный учет ситуации. И бакунинский анархизм, конечно, не есть какое-то мистическое учение о сверх-человеке, а подлинная идеология классовой и антигосударственной борьбы трудящихся.

* * *

В *Правде* от 1 мая 26 года марксистский историк Покровский поместил статью, посвященную Бакунину, которая заслуживает внимания вследствие невероятного искажения истины, которое может еще подобать митинговому оратору, но отнюдь не патентованному ученому-историку.

Во первых Покровский сомневается, является ли Бакунин действительно крупной революционной фигурой или только талантливым агитатором. Сомнения эти, мол, присущи и правящей партии, которая даже не решилась по имени Бакунина назвать какую-нибудь большую улицу в Москве и сняла поставленный было ему памятник.

Нет слов — доказательсво исчерпывающее. Далее историк пишет: «рассмотреть Бакунина мешает то, что его именем клянутся анархисты; насколько они имеют на это право, мы увидим в дальнейшем. Отчасти с этим связано главное искривление исторической перспективы». Очевидно, анархисты, по мнению автора, не имеют права считать себя последователями Бакунина, но кто же и почему на это имеет право, он не поясняет. Далее интересно отметить мнение П., что для России Бакунин был запоздалым идеологом пугачевщины, а для Запада типичным мелко-буржуазным идеологом.

Прежде всего Бакунин в своей революционной деятельности почти целиком был связан с Западом, а поскольку он имел в своем поле зрения крепостную Россию — его идеология крестьянской революции была вполне к месту.

Что же касается того, что он был мелкобуржуазным идеологом, то, вероятно, только с точки зрения «крупно-буржуазной» психологии большевиков. Один из главных деятелей первого подлинно-рабочего Интернационала, провозгласившего лозунг «освобождение рабочих есть дело рук самих рабочих», есть по мнению большевика мелко-буржуазный идеолог, а они, вернувшие Россию к капитализму и ведущие дипломатические, торговые и всякие другие сношения со всем капиталистическим Западом и даже с папой Римским и Муссолини — настоящие борцы за рабочее дело.

Работница

вит в непременную связь с организацией анархических сил во вне этого движения. А между тем лишь при наличии такой связи возможно анархизирование рев. синдикализма и предотвращение в нем уклонов в сторону оппортунизма.

Находя рев. синдикализм лишь профессиональным движением трудящихся, не имеющим своей определенной социально-политической идеологии, — а потому и бессильным самостоятельно разрешить социальную проблему, мы считаем, что задачей анархистов в рядах этого движения является развитие в нем анархической идеологии, идейное руководство им в целях превращения его в активную армию соц. революции. Необходимо всегда помнить что если синдикализм своевременно не получит опоры в анархической идеологии, то он волей неволей обопрется на идеологию какой-либо государственной политической партии.

Французский синдикализм, блиставший некогда анархическими лозунгами и анархической тактикой, затем подпавший под влияние частью коммунистов, а большею частью правых оппортунистических социалистов, является разительным примером этого.

Однако, задача анархистов в рядах революционного профдвижения может быть выполнена в том случае, если их работа там будет теснейшим образом связана и согласована с деятельностью анархической организации во вне синдиката. Иными словами говоря, мы должны входить в рев. профдвижение в качестве организованной силы, ответственной за работу в синдикатах перед общей анархической организацией и руководимой этой организацией.

Не ограничиваясь созданием анархических синдикатов, мы должны стремиться идейно воздействовать на весь рев. синдикализм в целом во всех его формах. (Индустр. Раб. Мира, русские профсоюзы и т. д.) А этого мы сможем достигнуть, подойдя к задаче строго организованным анархическим коллективом, но отнюдь не мелкими кустарными группками, к тому же не имеющими между собою организационной связи и идейной согласованности.

Фабрично-заводские анархические группы, работающие над созданием анархических синдикатов, ведущие борьбу в рев. синдикатах за преобладание анархической идеологии в синдикализме и за идейное руководство им, направляемые в своей деятельности общей анархической организацией, к которой принадлежат — вот смысл и

ПИСЬМО ИЗ НЬЮ-ИОРКА

Настоящее письмо печатается со значительным опозданием. Автор его долгое время добивался напечатать письмо в «Рассвете», стремясь, таким образом, вопрос о противоанархических поворотах руководителей «Рассвета» поставить и обсудить на столбцах газеты, издающейся в Америке. Прием т-ща Данилюка, несомненно, был разумный и правильный. Однако, ему было отказано в напечатании статьи, ввиду чего он прислал ее в «Дело Труда.»

В интересах общего анархического движения, необходимо, чтобы русские анархисты, проживающие в Сев. Америке, пролили возможно более полный свет на состояние нашего движения в Америке. Это даст возможность отдельным товарищам, оставшимся верными анархизму, отыскать необходимых им работников, приступить коллективными силами к возрождению ослабевшего движения и тесно связаться с русским анархическим движением в Европе.

Редакция.

КУДА МЫ ИДЕМ?

Никогда в прошлом анархическое движение Сев.-Америки не переживало такого духовного кризиса, не было подвержено растлению торжествующей беспринципности, как в настоящее время. Ведь то, что считалось и теперь считается всеми последовательными анархистами тормозом в развитии рабочего революционного движения и в единении рабочих всех стран и национальностей — национальная и религиозная идея — теперь некоторыми лицами превозносится в революционные ряды, как способ подхода к рабочим и завоевания у них себе симпатий. Раньше, если у некоторых товарищей и были черточки национального или религиозного дурмана, то черточки эти являлись достоянием незначительной, наиболее отсталой — части революц. рабочих, которая не успела еще освободиться от этого проклятого наследия капиталистического общества. Теперь, наоборот, национальные и религиозные предрассудки имеют своих проповедников. Одним из этих проповедников в наших рядах является Моравский.

В своих лекциях по вопросу культуры и религии Моравский проявил себя, как националист и религиозный человек, заявляя в свое оправдание, что он националист и религиозный «по своему». Всяк, кто бывал на его лекциях, кто беспристрастен и называет вещи их собственными именами, может подтвердить это. Речь Моравского на юбилейном предприятии «Рассвета» 5-го декабря 1925 г. в помещении Общества Наука нельзя понимать иначе, как речь чисто национального характере с примесью предвзятости к евреям. Рекомендуя аудитории газету «Рассвет», как национальную газету, вокруг которой, по его мнению, об'единяются и могут об'единяться только русские люди (термин — русские люди — понятие очень растяжимое), он между прочим коснулся и хозяйских газет, в особенности «Нового Русского Слова», говоря, что последнее издается евреями. Как хотите, а это недвусмысленное заявление уже доказывает, что Моравский националист не «по своему», а по обыкновенному, что он ничем не выделяется из общей

форма анархического отношения к революционному синдикализму и родственным ему революционным профдвижениям.

КОНСТРУКТИВНАЯ ЧАСТЬ

Проблема первого дня социальной революции.

Основная цель борющегося труда это утверждение, путем революции, свободного равенственного анархо-коммунистического общества, построенного на принципе: «от каждого по его силам, каждому по его потребностям».

Однако общество это в своем законченном виде не сложится само по себе в силу лишь социального переворота. Осуществление его представит собою более или менее длительный социально-революционный процесс, направляемый организованными силами победоносного труда по определенному пути.

Задача наша — теперь-же указать этот путь и определить те конкретные положительные задачи, которые в первый же день соц. революции встанут перед трудящимися и от правильного разрешения которых будет зависеть судьба самой социальной революции.

Само собой разумеется, построение нового общес тва возможно лишь после победы трудящихся над современной буржуазно-капиталистической системой и ее носителями. Нельзя приступить к постройке новой экономики и новых общественных отношений, раз не сломлена мощь государства, охраняющего рабский строй, и раз рабочие и крестьяне в революционном порядке не переняли в свои руки промышленное и земельное хозяйство страны.

Поэтому первейшей задачей социальной революции будет разрушение государственной машины капиталистического общества, лишение буржуазии и вообще всех социально-привиллегированных элементов власти и повсеместное утверждение воли восставшего труда, выраженной в основных принципах соц. революции. Эта разрушительно-боевая сторона революции лишь расчищает путь тем положительным заданиям, которые составляют смысл и сущность соц. революции.

Задачи эти следующие:

а) Решение в анархическом смысле вопроса производства (промышленности) страны.

б) Решение в таком же смысле земельного вопроса.

в) Решение вопроса продовольственного.

массы русских националистов; разве только тем, что он не работает среди них открыто.

Но как бы то ни было с самим Моравским, а анархист должен признать, что такое афиширование рабочей газеты ложно и вредно для нее. Вредно потому, что это отталкивает от нее сознательных рабочих и дает повод примыкать к ней людям, враждебно настроенным по отношению к анархизму и сознательно стремящимся втянуть «Рассвет» в омут национализма и религиозности. — Ложно-же тем, что фактически «Рассвет» является приемником всех наших павших по многим причинам органов, которые стояли на точке зрения классовой борьбы и рабочей солидарности. Но Моравский, желая, я думаю, преобразовать «Рассвет» по своему духовному образу и подобию, сознательно закрывает свои глаза на это и не желает критиковать хозяйские, т. е. капиталистические газеты, как таковые. А ведь достаточно маленького напряжения ума и некоторой доли порядочности, чтобы понять, что независимо от того, издаются ли хозяйские русские газеты евреями, еврейские — русскими или английские — французами, независимо от этого все они по характеру своему враждебны рабочим и дружелюбны капиталистам.

И дальше. Моравский проявляет столь-же много усердия в своих проповедях религии среди рабочих, как и в отношении национализма. Так, например, читая от имени «анархически настроенного» Рабочего Союза Самообразования» доклад на тему «Религия и анархизм» в Астория 64 ист 4-я улица, 27-го нояб. 1925 г., он для того, наверное, чтобы произвести ошеломляющее впечатление на слушателей, чтобы доказать им существование загробнй жизни и свою веру в нее, заявил, что «одна мысль о том, что после смерти он может превратиться в лопух, приводит его в содрагание».

Удивляться такому признанию не приходится, ибо всякий мистик не может относиться хладнокровно к такой мысли, если его верования искренни. Но нужно заметить, что после доклада, когда один из товарищей возражал Моравскому, то присутствующий на докладе человек, повидимому, несознательный или религиозный, с места заметил возражающему в оправдание Моравского спрашивая: «А что ваш анархизм даст рабочим?» Таким образом, результат доклада Моравского оказался противоположным тому, которого хотя молча, но ожидал Союз. Моравский вполне естественно и ,быть может, верно понят несознательными слушателями, как противник анархизма.

Но нужно после всего этого признать, что увлекаясь национализиом и религиозностью, Моравский заводит в заблуждение не только несознательных рабочих, но и тех, кто является сторонником анархизма. Подтверждением этому может служить то, что в провинции, как, например, в Детройте заговорили о создании национальных русских центров. Под этим, конечно, подпишется любой член Союза Единства России.

И религиозность стала желательной гостью в провинции, которая с распростертыми об'ятиями встречает теперь апостола от баптизма и мнимого ученого Нирвану, раз'езжающего по нашим организациям по рекомендации «Рассвета», и, под предлогом чтения научных лекций, подсовывающего рабочим религиозный дурман. Почва, конечно, подготовлена; критический разум товарищей убаюкан раз'ездами по провинции Моравского, как оффициального представителя «Рассвета», и почему спра-

---

ПРОИЗВОДСТВО:

Исходя из того факта, что промышленность страны создавалась усилиями многих поколений трудящихся и что отдельные отрасли промышленности теснейшим образом между собою связаны, мы рассматриваем все современное производство, как единую мастерскую производителей, принадлежащую в целом всем трудящимся и никому в отдельности.

Производственный механизм страны является единым и принадлежит всему рабочему классу. Это положение определяет характер и форму нового производства. Оно также будет единым, общим в том смысле, что продукты, вырабатываемые производителями, будут принадлежать всем. Продукты эти, к какой-бы категории они не относились, составят общий продовольственный фонд трудящихся, из которого каждый участник нового производства будет получать все необходимое на равных со всеми основаниях.

Новое производство полностью уничтожит наемничество и эксплуатацию в какой-бы то ни было форме и утвердит на место их принцип товарищеского сотрудничества работников.

Тот промежуточный класс, который в настоящем капиталистическом обществе занимается посредническими функциями, — торговлей и др., а также буржуазия, должны будут на равных со всеми основаниях войти в новое производство. В противном случае они сами поставят себя вне трудового общества.

Хозяина — в виде-ли частного собственника-предпринимателя или в виде собственника — государства, каковым в настоящее время является государство большевиков, не будет. Организаторские функции в новом производстве перейдут к специально-созданным рабочими массами органам управления — рабочим советамъ, фабрично - заводским комитетам или рабочим фабрично-заводским управлениям. Органы эти, связанные между собою в пределах города, области и затем всей страны, образуют городские, областные и наконец всеобщие (федеральные) органы руководства и управления производством. Будучи избираемы массой и находясь под ее постоянным контролем и воздействием, они постоянно будут обновляться, осуществляя идею подлинного самоуправления масс.

Единое производство, в котором орудия производства и продукты производства принадлежат всем, заменившее

шивается не воспользоваться этим благоприятным обстоятельством баптистам?

Итак, вопреки нашим усилиям и надеждам, разбиваются остатки нашего движения, уничтожаются хорошие посевы искренних анархистов и, такимъ образом, наша революционная работа сводится, вернее свелась уже, к нулю прошенными и непрошенными гостями.

Должен здесь оговориться, что данной статьей я вовсе не хочу отвлекать таварищей от нашей общей работы. О, нет! Я хочу лишь напомнить Вам о том, что если Вы анархист и к тому-же революционер, то Ваша привязанность к «Рассвету» и к движению об'ясняется Вашим-же желанием сбросить с себя и с других цепи капиталистического рабства, освободиться от всякого насилия. А если это так, то и наша общая работа должна соответствовать нашим желаниям и стремлениям.

В заключение следует указать на то, что Моравский, проповедующий рабочим смирение перед призрачной силой капитала и вселяющий в души рабочих презрение к революции и к классовой борьбе, что он в этой распоясанности своей не один виноват, а и мы, не остановившие его во время. Несмотря на это, мы всетаки не должны молчать, как послушные и безгласные дети. Голос протеста необходим и я, первый подымаю его в надежде обратить внимание товарищей на тот омут, в который пытаются затянуть наше движение Моравские и иже с ними.

И. ДАНИЛЮК

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Т-ЩУ МАКСИМОВУ

Тов. Максимов, в No 18 «Голоса Труженика» Вы ставите мне ряд вопросов: как назвать тот общественный строй, который обрисован «в Декларации махновцев-повстанцев»? Как назвать тот опыт, который родил такое произведение, как Декларация?.. и т. д.

Не будь этих существенных вопросов, я не стал бы отвечать на ваше возражение против меня, возражение, построенное на отдельных фразах из моего открытого письма к т. Г. Д.

Эти существенные вопросы побуждают меня дать вам на них ответ.

Проэкт Декларации повстанцев-махиовцев» не является конституцией махновского государства. И я поражен, что вы имеете такое нелепое понятие о ней. Вы ведь хорошо знаете, что повстанцы махновцы о государстве вообще никогда не замышляли. Или вы для пущей важности прибегли к повторению пустых слов отставного большевистского генерала Льва Троцкого?

Проэкт Декларации повстанцев-махновцев — есть поспешный плод работы нашей Гуляй-Польской группы анархо-коммунистов в момент тяжелого положения революции на Украине, боевой обстановки, когда нам некогда было посылать гонцов в города к тем или другим теоретическим силам анархизма, чтобы услыхать их формулировку заданий анархизма сегодняшнего дня.

На протяжении первых двух лет и четырех месяцев моей активной анархической борьбы в Русской Революции, борьбы в самой гуще украинской подне-

---

наемничество принципом товарищеского сотрудничества и установившее для всех производителей равенство прав, руководимое избранными массами органами рабочего управления — вот первый практический шаг по пути осуществления анархического коммунизма.

ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Продовольственный вопрос в революции встанет в виде двойной проблемы. Первая — принцип изыскания продовольствия. Вторая — принцип его распределения.

Что касается распределения продовольствия, то решения в этой области могут быть указаны в самых общих формах, ибо при решении этого вопроса большую роль будет играть количество имеющегося продовольствия, принцип целесообразности и другое.

Соц. революция, берущая на себя перестройку всего современного строя, тем самым берет на себя обязанность позаботиться о жизненных потребностях всех людей. Исключение составит та часть нетрудящихся, которая откажется принять участие в новом производстве по контр-революционным соображениям. Вообще-же за исключением указанной категории лиц, потребности всего населения територии соц. революции будут удовлетворяться из общереволюционного продовольственного фонда. При этом, в случае, когда продовольствия будет в недостаточном количестве, оно будет распределяться по принципу наибольшего требования, т. е. в первую очередь между детьми, больными и рабочими семьями.

Более трудной проблемой окажется организация общереволюционного продовольственного фонда.

Вне всякого сомнения, в первые дни революции города не будут располагать необходимым для жизни продовольствием. В то же время недостающее для городов продовольствие будет в достатке иметься у крестьян.

Для анархистов не может быть никакого сомнения относительно характера взаимоотношений трудового города и трудовой деревни. Анархисты считают, что соц. революция может быть осуществлена лишь совместными усилиями рабочих и крестьян. Следовательно, и решение продовольственного вопроса в революции возможно лишь на почве революц. сотрудничества этих двух трудовых классов.

Для установления этого сотрудничества рабочий класс города, взявший производство в свои руки, должен немедленно позаботиться о насущных нуждах деревни,

вольной деревни, и вместе с подневольной деревней я не видел в городском анархизме, конкретных положений, через которые можно было бы практически сроднить деревню с идеей анархизма в городе.

Я упорно стремился выработать эти положения в повседневной практической борьбе в эти годы. Но в силу целого ряда причин, и первая из них серьезное теоретическое безсилие, мне это мало удавалось. Я с особой болью в сознании этого начал впадать в наивность и ожидать, что теоретики, которых у нас за время Революции слишком много народилось, что-либо наметят. Но и этого не дождался.

И вот, когда революционно-крестьянская армия повстанцев-махновцев была сбита с противоденикинского фронта с одной стороны самими деникинскими частями с другой прямой изменой большевистского красного командования, я принужден был с некоторыми частями этой армии очутиться в новых областях Украины. Там трудовое население ничего не знало о нашем движении и было отравлено с одной стороны петлюровской государственностью, с другой деникинской и большевистской (это был период, когда Троцкий провозгласил лозунг : лучше сдать всю Украину Деникину, чем дать развиться махновщине).

В этих новых областях в боевой обстановке наспех я набросил в основных пунктах декларацию.

Мы, анархисты-крестьяне, долго оспаривали ее пункты, все не решаясь выпустить их в свет.

Как вдруг неожиданно для нас в наших рядах очутились анархисты «набатовцы», в числе которых был и тов. Волин.

Тов. Волину, как теоретику-анархизму, были вручены эти пункты «Декларации» для просмотра и детальной разработки. Тов. Волин около месяца трудился над ними и представил их в Совет Армии, командному составу и представителям повстанческих частей уже в законченном виде *со своим предисловием*.

Мы видели, что в основном пункты «Декларации» ни в чем не изменены, а только пополнены литературнимы зигзагами с более выпуклым выражением литетурного языка, что придало ей изящный и более выпуклый вид. Снова в рядах нашей крестьянской группы возникли было прения из-за некоторых пунктов этой декларации. Но в конце концов группа, как и я, снаивничали, что раз, дескать, она прошла через руки товарища, который, как мы считали, теоретически более подготовлен в анархизме, и раз он не устранил из нее пунктов, из-за которых мы спорили между собою, значит эти пункты не противоречат анархизму. А в том, что они сочетаетюя с моментом Революции, мы были убеждены. — Поэтому «Декларация» была принята, как «проэкт декларации» и как проэкт нами всюду понималась.

Правда, после этого у ряда товарищей возникло сомнение относительно теоретических знаний анархизма товарища, редактировавшего Декларацию. Я однако считал важным, чтобы в наших рядах были люди с анархическим образованпем, я полагал, что таковым является тов. Волин, и настоял еще до этого — перед Советом Армии освободить меня от председательствования в нем. Я выставил кандидатом на этот пост товарища Волина, который и был изобран председателем Совета Революционной Постанческой Армии Украины (мйхновцев) и был проведен на этот пост по приказам повстанческой армии.

постаравшись наряду с предметами повседневного потребления доставить крестьянству средства и орудия коллективной обработки земли. Коллективная забота рабочих о нуждах крестьян вызовет со стороны последних подобный же отклик, т. е. коллективное же снабжение города продуктами крестьянского труда, и в первую очередь продовольствием.

Общие рабоче-крестьянские кооперативы явятся первичными органами обслуживания продовольственных и хозяйственных нужд города и деревни. Наделенные затем более широкими и постоянными функциями — доставлять все необходимое для поддержания и развития общественно - хозяйственной жизни рабочих и крестьян, кооперативы эти тем самым могут быть превращены в постоянные органы снабжения города и деревни.

Решенный таким путем продовольственный вопрос позволит городскому пролетариату создать постоянный продовольственный фонд, что благотворным и решающим образом скажется на судьбе всего нового производства.

ЗЕМЛЯ

Главными революционно-созидательными силами при решении земельного вопроса мы считаем трудовое, неэксплуатирующее чужого труда, крестьянство и батрацкий пролетариат деревень. Их задачей будет совершить черный передел земли с целью установления землепользования и землеобработки на коммунистических началах.

Подобно индустрии, земля обрабатываемая и культивируемая поколениями трудящихся, гакже есть продукт усилий этих трудящихся. Она также принадлежит всему трудовому народу в целом и никому в отдельности. Как общая собственность трудящихся, земля не может быть предметом купли-продажи. Она также не может быть сдаваема в аренду кем бы то ни было и кому бы то ни было и не может служить средством эксплуатации чужого труда.

Земля — своего рода общенародная мастерская, в которой рабочий люд вырабатывает средства пропитания. Но это такого рода мастерская, где каждый работник (крестьянин) в силу исторических условий привык вести свою работу самостоятельно и реализует свой труд независимо от других производителей. В то время, как в индустрии общинный (коммунистический) метод работы является насущно-необходимым и единственно-возможным, в земледелии он не является единственно-

Такова история возникновения «Проэкта Декларации» Повстанцев-Махновцев, которую вы, товарищ Максимов, по незнании называете прямо «Декларацией».

В этом «проэкте» есть недомыслие, но как видите, за него прямо ответственно не махновское движение, а я и т. Волин.

Ну, а что касается ваших ссылок на Бакунина, то я должен вам сказать, что когда вы хватаетесь за идеи «переходного периода», вы искажаете бакунинское понятие о нем.

Великий Бакунин, эта неутомимая революционная сила, мыслил «переходный период» — по-моему — в полном упразднении классового государства и экономического неравенства; но ни в коем случае не в политической системе «распыленной власти», которую русские анархо-синдикалисты вынесли из Русской Революции по недомыслию, подчинившись разложению (по городам) и бездействию анархических групп и федераций в рядах подневольной деревни...

Я уверяю вас, товарищ Максимов, что систему о «Переходном Периоде» и «распыленной власти» русских анархо-синдикалистов, одним из творцов которой является, кажется, и вы, Бакунин назвал-бы прямой атакой против его пониманий анархизма вообще и его практической политики в частности. А над вашими ссылками на него в области пониманий «переходного периода», он прямо посмеялся бы и сказал бы: — анархизму ничего не страшно. Он могуч и силен и, как только организованно займет свои позиции в деле подневольного труда — Социальной Революции — он всякие уродства изживет на своем пути...

На счет ваших, тов. Максимов, ссылках на с-д Дана, должен заметить, что они уместны только для безпочвенных пастырей, пастырей, блуждающих в области пустословий. Знающий обычай социал-демократии атаковывать враждебные ей течения и в особенности анархические и синдикалистические, этих вздутых ссылок на нее не приемлет; ибо он видел что анархическое и синдикалистское движение в России, как тянулись на буксирном, от старости расшатанном тарантасе за событиями, так и по сию пору тянутся. И будут так тянуться до тех пор, пока мы не позаботимся разбить совсем этот тарантас и на место него *построить строго действенные организации.*

С товарищеским приветом

Н. МАХНО

КАК ЖИВУТ ССЫЛЬНЫЕ И ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Пред нами пачка писем от т.т. сосланных в далекие, глухие уголки окраинной России и заключенных в не менее далеко заброшенные полит-изоляторы.

Письма эти большей частью случайные. 19 писем от 14 товарищей за срок не превышающий 2-3-х месяцев. Авторы их живут в различных местах и пишут о различнейших впечатлениях и переживаниях. Но есть в письмах этих что-то общее для всех них — нечто такое, о чем ни один из ссыльных не может умолчать... Это — их горячая, непоколебимая вера в то, что ихъ дело — дело

возможным в настоящее время. Большинство крестьян пользуется индивидуальным способом ведения хозяйства.

Поэтому с переходом земли и средств ее обработки к крестьянам, без возможности продажи и сдачи ее в аренду, вопрос о формах пользования ее и способах ее обработки (коммунально или семейно) не примет сразу такого общего и окончательного решения, какое примет вопрос индустрии. Первое время будут, вероятно, прибегать к одному и другому способу.

Окончательную фому землепользования и землеобработки установит само революционное крестьянство. Никакое давление извне в этом вопросе невозможно.

Но так как мы считаем, что лишь коммунистическое общежитие, во имя которого и будет совершена социальная революция, избавит трудящихся от бесправия и эксплуатации, даст им полную свободу и равенство; — так как крестьяне составляют подавляющее большинство населения (в России около 85%), следовательно земельный крестьянский строй явится решающим фактором в судьбах революции; — так как, наконец, частное земельное зохяйство, так же как и частное промышленное предприятие, ведет к торговле, накоплению частной собственности и восстановлению капитала, — то наша обязанность теперь же делать все необходимое, чтоб облегчить разрешение земельного вопроса в коммунальном смысле.

В целях этого мы теперь же должны повести среди крестьян усиленную проповедь коммунистического землепользования и коммунистической обработки земли.

Создание специфически крестьянского союза анархического направления в значительной степени облегчит эту задачу.

Огромное значение в этом отношении будет иметь технический прогресс, облегчающий развитие сельского хозяйства, и факт осуществления коммунизма в городах, гл. обр., в индустрии. Если в сношениях с крестьянами рабочие будут действовать не отдельными лицами и не отдельными группами, а огромным коммунистическим коллективом, охватывающим целые отрасли производства; если при этом они позаботятся о насущных нуждах деревни и наряду с предметами ежедневного обихода доставят в каждую деревню орудия коллективной обработки земли, то это несомненно толкнет крестьянство к коммунизму в земледелии.

(Продолжение следует)

правое; это чувство морального превосходства над врагом, насилующим и мстящим; это — сознание неизбежности страданий и жертв в борьбе за осуществление того идеала, которому они «отдали все, что могли»... С тяжелым чувством приступил я к чтению писем, ожидая найти в них скорбную повесть о полной лишений и страданий жизни; о физических и моральных страданиях людей, чувствующих и мыслящих; о мучительной тоске людей, теряющих надежду на скорое избавление... Но предчувствия обманули меня: вместо тоски и жалоб — бодрое, даже веселое, жизнерадостное настроение; вместо печальных повествований — теплое, приветливое слово и глубокая вера в конечное торжество их идей. И только изредка, мимоходом, прорывается штрих, бросающий свет на те тяжелые, невыносимо-тяжелые условия, в которые их поставило «социалистическое» правительство большевиков. Проскальзывают иной раз упоминания о «всяческих невзгодах и тяжелых переживаниях», но все это как будто для того, чтобы иллюстрировать мысль о необходимости «жертв», без которых никакие дела не совершались и, пожалуй, совершаться не будут.

«Ребята» — пишет один товарищ о своих спутниках по этапу и изолятору — «держатся все молодцами, но физически сдают». Другой товарищ — о мытарствах которого рассказывает его жена — пишет: «Несмотря на новые три года, предстоящие мне впереди, бодрость меня ни разу не покидает и унынию меньше всего поддаюсь». У третьего товарища — хронически больного и — по словам другого товарища — «чувствующего себя очень скверно» — «на практике побивается его теория о взаимоотношениях бытия и сознания — материя никак не действует на дух, моральное состояние — превосходное» и т. д. и т. д... Невозможно в краткой журнальной статье представить и жизнь и переживания заключенных во всей их полноте — для этого нужно было бы напечатать все 19 писем. Ограничимся, поэтому, только короткими упоминаниями о каждом товарище в отдельности.

Тов. К. ссыльный. Писать не может ни о чем. В условиях ссылки «вынужден беседовать лишь с самим собою».

Тов. П. благодаря появившемуся у нее ребенку выпущена из полит-изолятора «на свободу». Насильно разделена со своим другом П., сосланным в Туруханский край, в «состоящий из 4-х домов станок» (станица, с которой «зимой нет никакого особщения, кроме случайного, когда кто-нибудь едет мимо».

Тов. Ф. Полит-изолятср. Ему 43 года, «из которых добрую половину провел в тюрьмах. По словам его жены — «он за два года тюремной жизни из молодого, полного здоровья и сил человека превратился почти в старика», а, по его собственным словам, «он все еще как будто ничего». «Хотя», — пишет он, — врачи и говорят, что у меня туберкулез, но в мои годы это уже не так страшно. Товарищ этот печалится о другом. «Приехала было» — жалуется он — «жена на свиданье, да так и не пришлось увидеться. Главное дочку хотелось увидеть... Ей уже скоро два года, а она папу своего не видела»... «От материальной помощи» — прибавляет он ниже — «не откажусь, но только не для себя, а для моей Юльки... Очень приятно, должно быть, слышать, когда маленькое созданьице кричит «папа»... Только жаль, что мне не приходится слышать этого милого детского лепета»...

Тов. Б. из Т. пишет: «У нас тут арестована группа товарищей. Неизвестность о дальнейшей их участи томит ужасно; к тому-же они оборваны, босые и голодные.

Помочь им нужно во что бы то ни стало. С. все время мается. Ребенок ее не перестает хворать. Мы уже одолжили 50 рублей за ее пребывание здесь. М. тоже без средств и хворает. Подчас теряемся и не знаем как быть. Нужны деньги и деньги, а их все нет и нет. Вся наша надежда на вас»...

Тов. Е. ссыльная. С грудным ребенком — ее «единственным утешением». Изнемогает от плохих условий жизни в оторванном от мира уголке. «Скоро» — жалуется она — «нечего будет есть — голодаем»...

Тов. Н. Ссыльный. Сообщает, что они там, находящиеся за решетками и в лагерях, наблюдали большой наплыв наших по духу молодых и энергичных товарищей, которых «социалистический» строй с каждым годом фабрикует все больше и больше».

Тов. С. отбыла несколько лет ссылки. С маленьким ребенком на руках. Она пишет: «С 25-го с. м. я уже свободная гражданка, т. е., мне уже об'явлен новый приговор: *минус шесть*. Это значит, что не могу проживать в Ленинграде, Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове и в пограничных губерниях сроком на три года».

Тов. Г. Ссыльная. Оторвана от своего больного, перенесшего две операции, мужа — тоже ссыльного. Дает сведения об условиях длиннейших, изнурительных переездов из одного места ссылки в другое. Ехать приходится этапом, при самых тяжелых моральных и материальных лишениях. Дорога продолжается месяцами (от 1 марта до конца мая) — особенно с началом весенней распутицы. «Тогда» — пишет товарищ — «всякое сообщение с Нарымским краем прекращается не менее, чем на полтора месяца».

Тов. М. «По окончании срока заключения (3½ года) сослан в Сибирь на три года». Три месяца был в пути, следуя этапным порядком из одного места в другое, несмотря на то, что «чувствует себя нехорошо физически» после тяжелой операции. На новом месте он, накопивший неимоверное количество энергии за долгие годы изоляции, обречен на вынужденное безделье, тем более тягостное, что и в будущем не предвидится никаких перемен к лучшему«. А это «связано с невозможностью добычи себе средств к существованию».

Тов. Р. Вместе с другими товарищами отбывает срок ссылки в Нарымском крае. «Морозы 25-ти градусные, деревушки в 10 домов. Постоянного заработка — никакого, но кое-как перебиваются.

Л. нуждается в серьезной операции, а М. очень плох— он сильно болен сердечной и базедовой болезнями».

Тов. Т. ссыльная, с маленьким ребенком, лишена какого бы то ни было «духовного удовлетворения» и

боится «полной атрофии». Ее друзья «живут нудно, физически чувствуют себя скверно».

Тов. М. (Полит-изолятор). Больна. Ей едва минул 31-й год, а у нее вследствие болезни выпали все зубы. Живет их в камере 9 человек. Чтобы отдать дань своему трудолюбию, товарищ шьет... куклы.

Тов. Ш. пишет о «незавидной, совсем незавидной жизни товарищей. Их удел — скитания со всеми присущими им прелестями. Последние нуждаются в регулярной материальной помощи, которая вообще поступает слабо. Репрессии в то же время не прекращаются. Так, в Ташкенте, в феврале месяце, 16 наших товарищей ссыльн. об'явили голодовку против невыносимых условий ссылки, проголодали одиннадцать суток, но их сильно избили, развезли по неведомым местам и дальнейшая их судьба неизвестна»...

Кажется, довольно. Все то, о чем, по скромности своей, наши заключенные не говорят, может себе представить всякий, кто имел случай побывать в местах заключения — пусть не социалистических.

Наши товарищи *не могут* о многом писать, ибо, как они сообщают, «у сокола крылья связаны» «да у стражи нюх вострый». Кроме того, *число писем*, на которое имеют право заключенные, ограничено. Не лишне будет только сказать несколько слов и о самих местах ссылки и заключения, которые упоминаются в письмах товарищей. Это Верхне-Уральский полит-изолятор, Архангельская ссылка, Енисейск, Нарым, Ирбит, Кемь, Северо-Двинск, Актюбинск, Уральск, Тобольск и т. д.

На этом мы прекратим. Голос узников Советской России услышан. Очередь теперь за теми, к кому этот голос обращен...

Г. С.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ХРОНИКА

КОНГРЕСС ФРАНЦУССКИХ АНАРХИСТОВ

11 — 14 июля с. г. состоялся в Орлеане конгресс анархической федерации Франции. Мы должны с большим удовлетворением отметить работу, проделанную конгрессом и подчеркнуть, что постановления его, принятые единодушно, соответствуют той линии, которая проводится в «Деле Труда». Собранных товарищей об'единяла твердая воля создания сплоченной и единой организации, которая раз навсегда положит конец распрям и дроблению анархического движения.

В качестве основы такой организации конгресс выдвинул необходимость *социальной программы*, которая бы отвечала насущным теоретическим и практическим запросам анархического движения. Как предпосылку этой программы, конгресс принял и выпустил «Манифест», в котором обосновал анархо-коммунистическую платформу движения. В связи с этим постановлено орган французских анархистов «Le Libertaire» именовать «органом анархо-коммунистического Юниона Франции.»

Группа Русских Анархистов Заграницей послала обращение конгрессу, в котором обосновала свои тактические и организационные положения и приглашала конгресс вступить на путь создания единой анархической организации.

Конгресс собрал многочисленных делегатов и участников, прошел оживленно и деловито и дал сильный толчек дальнейшему развитию анархического движения во Франции.

В заключении конгресс обсудил вопрос о преследованиях анархистов и революционеров в России и единодушно принял следующую резолюцию протеста, посланную в Советское Посольство в Париже:

ПОСОЛЬСТВУ СССР — rue de Grenelle, PARIS.

Конгресс «Union Anarchiste» собравшийся в Орлеане энергичго протестует против преследований и пыток, жертвами которых являются арестованные и ссыльные анархисты в «пролетарской» России.

Union Anarchiste приложит все усилия, чтоб пресечь эти гнусные репрессии.

За «Union Anarchiste»

ОДЕОН.

СЕКЦИЯ М. Т. Р. ВО ФРАНЦИИ

В Париже недавно состоялся с'езд расширенного исполкома Международного Товарищества Рабочих. На этом с'езде было решено создать французский комитет М. Т. Р. с целью об'единить все те силы рабочего класса, которые остаются верными идеям безгосударственного революционного синдикализма, и тем самым создать секцию М. Т. Р. во Франции. Ввиду наличия во Франции большой экономической и политической рабочей эмиграции, состоящей главным образом из итальянцев, испанцев, поляков и португальцев, с'езд подчеркнул необходимость организации этих сил в один революционный синдикалистическ. союз.

Казалось пародоксальным, что во Франции, которая является родиной революционного синдикализма, не существовало секции М. Т. Р. Это об'ясняется тем, что вплоть до последнего времени французские революционные синдикалисты упорно держались формулы: Le syndicalisme se suffit à lui-meme (синдикализм самодовлеющ), в то время как М. Т. Р. давно стало на явно анархическую политическую платформу, считая целью своей борьбы создание анархо-коммунистического

строя на развалинах системы наемного труда и государства. Главной целью М. Т. Р. было об'единить в одно целое всех недовольных партийной политикой обеих C. G. T. синдикалистов, ударявшихся, было, в автономизм и терявших связь с единой национальной организацией. Главным образом комитет М. Т. Р. рассчитывал на существующее уже федеративное об'единение автономных синдикатов Франции, а также на старую твердыню революционного синдикализма, Федерацию строительных рабочих и обществен. работ. Состоявшееся недавно по инициативе комитета М. Т. Р. об'единение этих двух организаций составляет фундамент секции М. Т. Р. во Франции.

Как видно, работы комитета М. Т. Р. во Франции подвигаются успешно вперед. Секция М. Т. Р. выпустила первый номер своего ежемесячного органа «La voix du travail» (Голос труда), в котором и было сообщено об об'единении Union Federative des syndicats Autonomes и Federation des Travailleurs du Batiment et des Travaux Publics.

Попытки комитета вызвали яростные и полные лжи выпады некоего Тэлада в «L'Humanité» и «La Vie Ouvrière» против автономистов, что лишний раз говорит о полной жизненности и необходимости акции предпринятой М. Т. Р. во Франции.

ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ САККО И ВАНЦЕТТИ

Из Соединенных Штатов извещают о том, что верховный суд штата Масагусете отклонил апеляцию товарищей Сакко и Ванцетти. Исполнение смертного приговора может последовать ежедневно.

Дело Сакко и Ванцетти хорошо известно междуна-
родному пролетариату. Уже пять лет они живут под
угрозой смертной казни. Все знают, что американские
капиталисты преследуют этих наших итальянских това-
рищей исключительно потому, что они являются побор-
никами революционной классовой борьбы. В этом их
преступление и за это жизни их угрожает опасность.

Товарищи! Секретариат М. Т. Р. обращается к рабочим
всех стран, а в особенности к примыкающим к нему
организациям, с горячим призывом сделать все воз-
можное для того, чтобы помешать убийству этих двух
товарищей. Сакко и Ванцетти сделали *все* для пролета-
риата. Теперь пролетариат должен следать *кое-что*
для них.

Рабочие организации всех стран должны провести ком-
панию протеста против подготовляемого убийства Сакко
и Ванцетти, организовать собрания и демонстрации и
дать понять официальным представителям Соединенных
Штатов, что мировой пролетариат готов помешать
выполнению нового преступления капитализма.

Секретариат Международного Товарищества Рабочих.

Протест международного пролетариата

Весть о предстоящем судебном убийстве наших това-
рищей Сакко и Ванцетти вызвала новую волну протестов
вомногих странах. Во Франции были устроены массовые
митинги протеста. В акции протеста в Аргентине участвовали все рабочие организации. В Буэнос-Айресе перед зданием посольства Соединенных Штатов взорвалась бомба, которая была, повидимому, предназначена для предостережения и угрозы американским палачам.

Во всех других странах, как в Голландии, Швеции, Германии, Швейцарии, Португалии пролетариат выразил свое негодование против предстоящего провокационного судебного убийства двух пролетариев-анархистов. Даже в фашистской Италии рабочие организации Милана выслали американским властям протест с требованием освобождения Сакко и Ванцетти, подписанный социалистической партией, коммунистической партией, анархическими группами и Синдикалистическим Союзом Италии (U. S. I.). Не слышно лишь о митингах в Советской России: должно быть большевики не допускают.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ИСПАНСКИХ АНАРХИСТОВ

В связи с недавним пребыванием в Париже испанского короля Альфонса, полиция произвела массовые аресты среди наших испанских товарищей. Арестовано около 200 человек. Некоторые из них будто-бы покушались на жизнь короля.

ПОЛЬША

В Польской Социалистической Партии (П. П. С.)
произошел раскол. От партии отделилось левое крыло
т. наз. P. P. S. lewica т.е. левая П.П.С., образовав отдель-
ную партию. На раскол повлияли главным образом
участие эн-эсовских министров Морочевского, Земе-
ницкого и Гауснера в кабинете Скржинского, а также
ответственность вождей П. П. С. за теперешние польские
события. В издаваемом органе «Robociarz» новая
партия бросает синдикалистические лозунги непосред-
ственной борьбы и призывает рабочих создавать рево-
люционные профсоюзы, считая преимущественно их
местом, где пролетариат может концентрировать свои
классовые революционные силы. Характерно, что она
выступают также против парламентаризма. О новой
партии рано еще писать что-либо определенное,
ибо она находится лишь в начальной стадии своего
существования.

МИГРАЦИОННЫЙ КОНГРЕСС

22-26 июня 1926 г. в Лондоне состоялся созванный по инициативе Амстердамского Интернационала и Социалистического Интернационала международный миграционный конгресс. По главному пункту о свободе передвижения рабочих, ищущих заработка на стороне, ввиду кризисов в своей стране, соглашение не состоялось.

Здесь столкнулись противоположные интересы. Делегаты из Польши, Италии и Индии требовали свободу иммиграции для рабочих тех стран, в которых рабочим

благодаря существованию перманентных кризисов в производстве, угрожает голодная смерть. Против этого резко выступили представители стран имиграции — Канады, Австралии и Новой Зеландии. Они указали на то, что вновь приезжающие рабочие, увеличив предложение труда, понизят с трудом завоеванный ими сравнительно высокий материальный уровень жизни. Они поэтому сторонники запрещения в'езда имигрантов в их страны. Признавая, однако, что в Старом Свете необходимо ограничить предложение рабочих рук, они средствами для этоно считают сокращение деторождения, а отнюдь не эмиграцию. Следует еще отметить, что рабочие организации Соединенных Штатов и Южной Америки вообще своих делегатов на конгресс не послали.

Буржуазные газеты и в особенности *Руль* очень довольны неудачей конгресса. По их мнению его результаты являются лучшим доказательством того, что солидарность пролетариата — фикция, поскольку дело начинает касаться материальных интересов отдельных национальных групп рабочих. Рабочие тогда. также как и капиталисты, ведут национальную политику, защищаясь против других пролетариев, угрожающих их материальным благам. Однако, буржуазная пресса ошибается.

Столкновения интересов рабочих различных национальностей есть следствие капиталистической системы. И потому, поскольку дело касается данного конгресса, в критике буржуазной прессы есть доля истины. Привиллегированное положение одних национальных групп рабочих по сравнению с другими раскалывает рабочие ряды. Но именно в этом и заключается слабость и гибель трудящихся, как класса. Поэтому то анархисты и выдвигают лозунг полного материального равенства всех трудящихся.

ПОПРАВКА

В статье товарища *Н. Метт* — «Об иллюзиях единого фронта» (Д. Тр. № 13-14) произошел большой пропуск. После слов: «...Мы, конечно, понимаем, что психологически между ними не может быть такой вражды, как у нас в России, где нас разделяют трупы убитых коммунистами лучших товарищей и сотни узников, но *принципиально* ведь нужно понять, « — идет следующее выпавшее место :
что нет двух калибров коммунистов, русских и западных, а существуют коммунисты Зиновьевского скипетра.

Кому неизвестно, что во всех коммунистических партиях Запада происходят чистки и элемент, не согласный на все сто % с политикой Москвы, об'является в опале и или выбрасывается или сам откалывается.

Современный западный «партийный» коммунист диеологически не революционер, а носитель послевоенного психоза насилия и диктатуры. Основы насажденного в России полицейского государсрвтва им усваиваются как азбука коммунизма. И не случайно, конечно, французские коммунисты в 1925 году, в годовщину Парижской Коммуны, у стены коммунаров бросились в драку на французских анархистов, которые выставили лозунг «амнистии анархистов в России». Ведь на практике французского революционного движения они в анархистах не могли видеть контр-революционеров. Откуда-же эта злоба при одном только упоминании о русских анархистах?. Ответ ясен — жезл Зиновьева, который на с'езде партии в 1923 г. сказал «мы уничтожили все партии и политические группировки в России — Хорошо это или плохо? Конечно хорошо».

После этого места идет конец статьи, напечатанный в N 13-14 Д. Тр.

КО ВСЕМ АНАРХИСТАМ И СОЧУВСТВУЮЩИМ.

Товарищи! «Дело Труда» периодически испытывает материальные затруднения. Чтобы обеспечить его регулярный ежемесячный выпуск, необходима ваша постоянная материальная поддержка.

Le Gérant: L. LORÉAL

Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris.